УДК 316.35

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132

ОЗЕРОВА Карина Адгамовна
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
г. Казань, Россия
Karina-usm@yandex.ru

Karina A. OZEROVA
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
Karina-usm@yandex.ru

**НАСЛЕДИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И «ИЗОБРЕТЕНИЕ»
ТРАДИЦИЙ**

**VOLGA BULGARIA HERITAGE AND REGIONAL
IDENTITY: THE POLITICS OF MEMORY AND THE
“INVENTION” OF TRADITION**

Объект анализа в данной статье - социальная память о региональном прошлом. Социальная память определяется с использованием конструктивистского подхода. Фокус внимания сосредоточен на особенностях конструирования региональной идентичности через общую память об историческом прошлом. Для анализа дискурсов и нарративов о региональном прошлом применен подход Я. Ассмана, предполагающий выделение двух уровней социальной памяти - культурного (все объективированные и институционализированные формы) и коммуникативного (передача образов и оценок прошлого при непосредственной интеракции индивидов). В рамках исследования социальной памяти как поля репрезентаций образов прошлого и актуализации региональной идентичности было проведено авторское социологическое исследование сферы памяти о болгарской версии прошлого Республики Татарстан. Данный кейс выбран по причине многообразия форм актуализации прошлого в рамках обращения к периоду Волжской Булгарии. Сделан вывод о том, что в общей направленности политики памяти региональных элит создание и транслирование определенного образа прошлого на основе обращения к древней истории региона позволяет сконструировать этнополитический миф о сильном предке с развитой культурой и экономикой и транслировать положительные характеристики предка на современных жителей региона и их идентичность.

The object of the analysis in this article is the social memory of the regional past. Social memory is defined using a constructivist approach. The focus is on the design features of the regional identity through the common memory of the historical past. As part of the study of social memory as a field of representation of images of the past and the actualization of regional identity, the author's sociological study of the sphere of memory of the Bulgarian version of the past of the Republic of Tatarstan was conducted. It is concluded that, in the general direction of the policy of memory of the regional elites, the creation and broadcasting of a certain image of the past based on the appeal to the ancient past allows to construct an ethno-political myth about a strong ancestor with a developed culture and economy and to broadcast the positive characteristics of the ancestor to modern inhabitants of the region and their identity.

Ключевые слова: социальная память, культурная память, политика памяти, региональная идентичность, Волжская Булгария, Республика Татарстан

Keywords: social memory, cultural memory, memory policy, regional identity, Volga Bulgaria, Republic of Tatarstan

Социальная память является одним из ключевых элементов, определяющих не только настоящее состояние общества, но и активно формирующих его будущее. Она может способствовать ускорению одних социальных, политических и культурных процессов и практик, легитимируя и обосновывая их, или, напротив, пресекать и блокировать другие. Знание подобных механизмов воздействия социальной памяти на общество, конкретные социальные группы и отдельного индивида позволяет глубже понимать многомерную социальную реальность, специфику межнациональных и межконфессиональных отношений. Особенно это значимо для многонационального и поликультурного пространства Российской Федерации. Конструктивистский подход к пониманию феномена социальной памяти позволяет рассмотреть прошлое не как набор объективно существовавших событий, а как некоторый нарратив, репрезентацию истории, социальную конструкцию, которую каждое общество создает и транслирует (через учебники, фильмы, телевизионные программы и так далее). Социальная память в таком случае существует в виде

текстов «мест памяти» [1, с. 20] и практик коммеморации (например, национальных праздников, памятных шествий и т.д.).

Социальная память о региональном прошлом - объект анализа в данной статье. Предметом же является конструирование региональной идентичности через общую память об историческом прошлом. В качестве эмпирического кейса выбрана социальная память о болгарском периоде истории Татарстана. Республика Татарстан сегодня позиционирует себя как один из лидеров среди регионов Российской Федерации, а также в качестве центра татарской культуры и мирного ислама в России. В том, что Татарстан продолжает восприниматься и презентовать себя именно как особенный регион с культурной, социальной и экономической точки зрения, важную роль играет определенная политика памяти, которая заключается во внимании к историческому прошлому региона через призму религии, туризма и имиджа региона.

Под политикой памяти понимается процесс, который инициирован рядом социальных акторов (таких как государство, общественные организации и движения, деятели культуры и искусства, ученые и т.д.), которые имеют доступ к определенному диапазону ресурсов и способны их мобилизовать для достижения своих целей. Политика памяти привязана не к актору, а к определенному периоду исторического прошлого (его образу и интерпретации значения для настоящего). Поэтому в рамках памяти об одном и том же периоде могут одновременно работать несколько социальных акторов и распространяться различные, даже противоположные образы прошлого. Таким образом, политику памяти эффективнее всего рассматривать как кейс относительно определенного периода. При этом она всегда направлена не просто на создание представлений о прошлом, а на использование образа прошлого для оценки явлений настоящего и (или) побуждения к социальной активности. Так, например, обращение к прошлому происходит для актуализации различного рода идентичностей в настоящем.

Кейс же политики памяти о болгарском периоде истории территории современного Татарстана интересен тем, что, несмотря на непрекращающиеся споры общественных деятелей, историков и журналистов, находит политическую поддержку и при этом выражен во множестве форм.

В рамках исследования социальной памяти как поля репрезентаций образов прошлого и актуализации региональной идентичности было проведено авторское социологическое исследование сферы памяти о болгарской версии прошлого Республики Татарстан. Эмпирической базой исследования выступили, во-первых, официальные документы регионального уровня, утверждающие создание отдельных организаций (фондов, музеев, исследовательских подразделений), проведение мероприятий связанных с историческим прошлым Республики Татарстан; во-вторых, публикации региональных СМИ и данные официальных порталов Республики Татарстан в сети Интернет; в-третьих, результаты собственного эмпирического исследования (экспертные интервью со специалистами, участвующими в процессах конструирования и трансляции образов прошлого Республики Татарстан, такими как: профессиональные историки, археологи, экскурсоводы, работники музеев, преподаватели и учителя истории Татарстана, краеведы, представители министерства культуры и туризма республики, представители общественно-политических движений и организаций, деятели культуры и искусства, всего 36 респондентов). Сбор эмпирических данных охватывает период с сентября 2014 г. по март 2017 г.

Для анализа процесса создания «болгарских» элементов региональной идентичности в данной работе также использованы идеи, изложенные в работе Э. Хобсбаума «Изобретение традиций» [2, с. 36]. Можно предположить, что в общей направленности политики памяти региональных элит создание и транслирование определенного образа прошлого связано с процессом изобретения как новых граней идентичности сообщества, подвергающегося такой политике, так и поиском основы, позволяющей обосновать политические и экономические позиции региона [2, с. 50]. С точки зрения Хобсбаума, любая традиция, так или иначе, сконструирована и служит определенной цели. Таким же конструктом, создающимся в рамках политики памяти, является конструирование различного рода идентичностей. В самом общем виде можно говорить о связи истории, памяти,

этнической, региональной и национальной идентификации и политики памяти. Каждая группа людей создает свою память о собственном прошлом - память, которая подчеркивает ее особенности и отличает от других [3, с. 156]. Социальная память является тем, что объединяет группу, при этом она сама - это не просто сумма индивидуальных воспоминаний, это нечто, что разделяется большинством членов группы. Социальная память не только определяет отношение к прошлому, но и отчасти определяет то, как группа видит свое будущее. Это «выражение коллективного опыта: социальная память идентифицирует группу, придает смысл ее прошлому и определяет ее надежды на будущее» [4, с. 25].

Исследовательский фокус в данной работе сосредоточен на политике памяти о Волжской Булгарии, в рамках которой происходит создание и трансляция образов, репрезентирующих историческое прошлое Республики Татарстан и этнической группы татар. Эту политику, несомненно, следует анализировать, прежде всего рассматривая культурную память (создаваемые тексты, события, места памяти и т.д.), так как политика памяти конструирует в первую очередь ее. Другой уровень социальной памяти - коммуникативный (уровень передачи представлений о прошлом через непосредственное взаимодействие), в свою очередь, во многом определяется содержанием культурной памяти.

Культурная память специально учреждается и искусственно формируется, создаются особые институты, позволяющие ее создать, сохранить и транслировать [5, с. 134]. Если мы анализируем память о болгарских предках татар, то произведения культуры, репрезентирующие этот период прошлого, специализированные республиканские интернет-порталы о Волжской Булгарии, особые главы в учебниках истории, поддержка археологических работ именно на болгарских памятниках, работа по созданию туристических маршрутов по «болгарским местам», создание музеев и заповедников как раз и являются такими созданными элементами. Как изобретенные «традиции», следуя логике Э. Хобсбаума, можно рассмотреть и политику элит Татарстана, направленную на создание образов и смыслов, связанных с болгарским прошлым региона, которая актуализирует и интерпретирует болгарское историческое прошлое и закрепляет их. Согласно Э. Хобсбауму, политически доминирующие группы манипулируют образами исторического прошлого и внушают массам определенную концепцию истории, легитимирующую их политические цели и господство, новые традиции и ритуалы произвольно конструируются в соответствии с текущими политическими реалиями и потребностями. А историческая память становится тождественна политической идеологии [2, с. 68].

Однако данный подход не отвечает на вопрос, насколько свободны творцы новых традиций. Как было упомянуто выше, любая конструкция памяти не воспринимается в чистом виде, она преломляется в зависимости от того, на какую почву попадает. Относительно нашего кейса этот вывод можно использовать при анализе реакции на создаваемые в рамках политики памяти образы и символы со стороны рядовых членов группы, а также различных групп профессионалов и экспертов. Учитывая, что в создании любых таких культурных произведений о прошлом участвует не только политическая, но и культурная элита региона, вопрос о совпадении интерпретаций прошлого у тех, кто создает культурные образцы, и тех, кто имеет политическое влияние, остается открытым. Так, Д. Олик отмечает, что за содержание коллективной памяти ведется борьба в различных полях [6, с. 47].

Всегда ли репрезентация образа прошлого Татарстана как именно болгарского прошлого и наделение всего болгарского флером благополучия и развитости является отражением политического заказа или, напротив, является результатом творческих поисков части культурных элит и общественности? Насколько эти группы влияют друг на друга? Ответы на эти вопросы во многом помогли бы раскрыть содержание стратегий разных акторов политики памяти и того, как они соотносятся и дополняют друг друга. Многие исследователи, такие как М. Фуко и Б. Шварц, отмечают, что возможности манипуляции образами прошлого часто структурно ограничены, иногда они даже сталкиваются с «контр-памятью» - альтернативными версиями исторических событий [7, с. 65]. Мы можем говорить о существовании определенной политики в отношении памяти, проводимой культурной и политической элитой региона, нацеленной на конструирование

особой групповой идентичности татар и татарстанцев через обращение к образу благополучного и развитого Булгарского прошлого.

Обоснование значимости региона в связи с богатым историческим наследием напрямую связано с тем, кого именно считать предками жителей региона в целом, а также этнической группы татар в частности. По сведениям археологов, на территории современного Татарстана можно найти древнейшие памятники, относящиеся к финно-угорской, славянской, тюркской и другим культурам, которые, так или иначе, оставили свой след в различные исторические периоды [8, с. 50]. Официально древнейшая история современной территории Татарстана связывается с тремя периодами - Волжской Булгарией, Золотой Ордой и Казанским Ханством [9]. Однако стоит отметить, что дискуссия о происхождении и предках современных татар актуальна и сегодня. В. Шнирельман, развивая собственную идею этнополитических мифов о происхождении этносов в своем исследовании (на примере татар), отмечает возможность существования нескольких мифов о предках даже для одной этнической группы [10, с. 135]. Условно можно говорить о наличии «татаристов» и «булгаристов», которые придерживаются разных точек зрения о предках современных татар.

К середине 2000-х происходит изменение цели «поиска» предка этнической группы татар: если в конце XX в. история Волжской Булгарии была источником обоснования большего политического суверенитета республики, то сегодня она используется в большей степени для утверждения особого положения Татарстана как центра исламской культуры в Российской Федерации и традиций мирного сосуществования различных культур. Значимость исторического прошлого возрастает уже с точки зрения создания «бренда» Татарстана и тех выгод, которые республике и ее населению может принести богатое историческое наследие (в сфере туризма и межкультурных отношений). Булгарская версия прошлого региона находит также большую политическую поддержку. Несмотря на то, что она не становится единственной и доминирующей, мероприятия, памятники, заповедники, музеи и даже оперы, связанные именно с булгарской историей региона, становятся значимой частью репрезентации культурного наследия Татарстана. Причем и на уровне официальных источников, и на уровне СМИ, и даже в системе образования (его регионального компонента). Вокруг «булгарских» памятников активно развиваются инфраструктура и туристические практики, булгарские архитектурные памятники попадают в программу поддержки в рамках специально созданного фонда, именно на этот период обращают значительное внимание деятели культуры - происходит создание все новых и новых смыслов и значений относительно памяти о Волжской Булгарии и оценок влияния булгар на современных татар и татарстанцев в целом.

Именно это многообразие форм и путей актуализации булгарского прошлого Татарстана, захватывающих этническую и региональную идентичность жителей региона, практики институционализации в сфере культуры и науки, а также сферу туризма и религиозной жизни, делают память о Волжской Булгарии в Татарстане тем кейсом, который позволят исследовать многообразие практик различных социальных агентов относительно конструирования образа прошлого и его актуализации в связи с региональной политикой, культурой и туристической экономикой настоящего.

Риторике властей, акцентирующую культурные и туристические преимущества булгарского наследия, можно связать и с желанием меньше обращать внимание на память о периоде завоевания Казани Иваном Грозным, которая косвенно, но поднимает тему вражды предков двух основных этнических групп республики - татар и русских. Булгарское же наследие не несет в себе отсылок к каким-либо конфликтам. Однако представителями академического сообщества татарстанских историков внимание только к булгарскому периоду оценивается как опасный тренд «замалчивания» достижений таких периодов, как Золотая Орда и Казанское Ханство, вызывает рост в пространстве социальной памяти нарративов, обратных утверждению значимости Волжской Булгарии для «идентичности региона». Пространство социальной памяти о Волжской Булгарии усложняется, появляются новые смыслы и интерпретации значения этого периода.

Актеры политики памяти могут проявлять различные виды активности в рамках политики памяти в зависимости от того социального поля, в рамках которого они действуют, и тех каналов, к которым обращаются. Представление о прошлом татар как о болгарском прошлом, а также утверждение и доказательство его высокой ценности для татар и татарстанцев сегодня происходит через несколько каналов, таких как публичные высказывания и интервью политических лидеров республики, учебники и образовательные программы, музеи и памятники, информационные сайты и порталы, СМИ, культура и национальная музыка.

Прошлое припоминается и конструируется так, как это в данном случае наиболее соответствует групповым потребностям [3, с. 234]. Этот процесс можно назвать также актуализацией прошлого. Политика памяти, конструирующая определенные представления об истории, - это то, что создает и поддерживает представления о границах и особенностях определенных этнических групп и региона в целом. Изучение того, кто, как и с какими целями создает культурные образцы, конструирующие определенные образы истории и влияющие на чувство групповой сплоченности и идентичности, - актуальная тема для исследования, которая может дать новую информацию относительно динамики межэтнических отношений в регионе, а также механизмов и направленности формирования этнической идентичности в республике сегодня, как и о механизмах конструирования региональной идентичности через обращение к историческому прошлому.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Франция-память. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. - С. 17-50.
2. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition / ed. Hobsbawm E. - Cambridge: Cambridge University Press, 2000. - 320 p.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с франц. и вступ. статья С.Н. Зенкина. - М.: Новое издательство, 2007. - 348 с.
4. Fentress J., Wickham Ch. Social Memory. - Oxford: Blackwell Publishers, 1992. - 245 p.
5. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
6. Олик Дж. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, демонстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. Т.1. - М.: Центр фундаментальной социологии ГУ ВШЭ, 2012. - С. 40-74.
7. Васильев А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. - М.: Новый хронограф: Эйдос. - Т.6: Культурное наследие: От прошлого к будущему, 2009. - С. 65-66.
8. Археологические памятники Татарской АССР. - Казань, 1987, с. 198-205.
9. Официальный Татарстан. История, культура, религия. - URL: <http://tatarstan.ru/about/state.htm> (дата обращения: 20.01.2018).
10. Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии. - 1998. - № 1-2. - С. 131-152.

REFERENCES

1. Nora P. Problematika mest pamyati. [The Problems of Places of Memory]. Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. Frantsiya-pamyat = France-memory '. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999.pp. 17-50 (In Russ).
2. Hobsbawm E., Ranger T The Invention of Tradition. ed. Hobsbawm Eric/ Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 320 p. (In English).
3. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati [Social Frameworks of Memory]. per. s frants. i vstup. stat'ya S.N. Zenkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russ).
4. Fentress J., Wickham Ch. Social Memory. Oxford. Blackwell Publishers, 1992. 245 p. (In English).
5. Assman Yan. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of The Past and Political Identity in High Cultures of Antiquity]. M.: Slavic Languages, 2004. 368 p. (In Russ).

- tity in The High Cultures of Antiquity]. Per. s nem. M. M. Sokol'skoy. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury =Languages of Slavic Culture , 2004. 368 p. (In Russ).
6. Olik Dzh. Figuratsii pamyati: protsessno-relyatsionnaya metodologiya, demonstriruemaya na primere Germanii. [Memory Shapes: a Process-Relational Methodology, Demonstrated by The Example of Germany]. Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review T.1. M.: Tsentr fundamental'noy sotsiologii GU VShE, 2012. pp.40-74 (In Russ).
 7. Vasil'ev A. Memorializatsiya i zabvenie kak mekhanizmy proizvodstva kul'turnogo edinstva i raznoobraziya [Memorialization and Oblivion as Mechanisms for The Production of Cultural Unity and Diversity]. Fundamental'nye problemy kul'turologii: Sb. st. po materialam kongressa = Fundamental problems of Culturology: proceedings Of the Congress. Otv. red. D.L. Spivak. M.: Novyy khronograf: Eydos. T.6: Kul'turnoe nasledie: Ot proshlogo k budushchemu. 2009,p. 65-66 (In Russ).
 8. Arkheologicheskie pamyatniki Tatarskoy ASSR. [Archaeological monuments of the Tatar ASSR]. Kazan', 1987, p. 198-205 (In Russ).
 9. Ofitsial'nyy Tatarstan. Istoriya , kul'tura, religiya. [Official Tatarstan. History, culture, religion]. <http://tatarstan.ru/about/state.htm> (20.01.2018). (In Russ).
 10. Shnirel'man V.A. Ot konfessional'nogo s etnicheskomu: bulgarskaya ideya v natsional'nom samosoznanii kazanskikh tatar v XX veke. [From confessional to ethnic: Bulgarian idea in the national consciousness of the Kazan Tatars in the twentieth century]. Vestnik Evrazii = Acta Eurasica №1-2. M.: 1998. - S.131-152 (In Russ).

Информация об авторе:

Озерова Карина Адгамовна, ассистент, кафедра общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
Karina-usm@yandex.ru

Получена: 26.03.2018

Для цитирования: Озерова К.А. Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2 . с.127-132.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132.

Information about the author:

Karina A. Ozerova, Assistant, Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
Karina-usm@yandex.ru

Received: 26.03.2018

For citation: Ozerova K.A.Volga Bulgaria heritage and regional identity: the politics of memory and the "invention" of tradition. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2-2. Pp. 127-132.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132. (in Russ)